

детей. Тотчас составлено было Альбою верховное судилище для суда над мятежниками²; во главе его стал испанец, доктор прав Варгас (Johann de Vargas), любимец Альбы, который высказал взгляд свой на дела в следующем выражении: «Здесь нет виновных; сретики совершали преступления, католики смотрели на это равнодушно — и те и другие должны быть наказаны». Жертвы этого судилища были бесчисленны. Других приговоров, кроме смертных, почти не было. В короткое время конфискованные имущества составили сумму более 20 миллионов серебром на наши деньги; если принять в расчет тогдашнее отношение металлов, это составит более 50 миллионов серебром. Но Альба недоволен был частными мерами: он казнил, можно сказать, весь народ, обложив его огромными налогами, прибавляя к притеснениям насмешки. Антверпен принужден был внести огромную контрибуцию, которая тут же употреблена была на постройку крепости с целью враждебной для граждан. В особенности тяжелы и бессмысленны были виды налогов: кроме общей подати, которая состояла из сотой части имущества движимого и недвижимого, положено было при каждой продаже взимать десятую долю движимого и двадцатую долю недвижимого имущества. Католики и протестанты соединились в одном общем чувстве ненависти к притеснителям. Но средств сопротивляться в борьбе не было. Все нидерландские провинции были наводнены испанскими войсками. Казни лучших граждан наводили ужас.

Изгнанники нидерландские, действовавшие отдельно, не внушали пока большого опасения Альбе. Принц Оранский, удаляясь, обещал верность королю только под условием, показанным выше. Он, с другой стороны, до такой степени был убежден в том, что эти меры будут непродолжительны, что оставил старшего сына своего доканчивать курс наук в одном из нидерландских коллегиумов; но сын его был скоро взят и отослан в Испанию; имение его было также отобрано. Тогда он стал в ряды явных врагов Альбы и испанского правительства. Между тем отдельные эмигранты, большею частью из дворян, под начальством морских гезов, опустошали берега. Две более важные попытки ворваться в Нидерланды, произведенные Вильгельмом Оранским и его братом графом Нассауским, кончились неудачно: Альба был превосходный полководец и умел устранить эту опасность; оставалось только море, где нидерландские изгнанники могли грабить суда, они находили убежище в английских гаванях. Но, когда испанское правительство резко протестовало против этого укрывательства, королева Елизавета велела оставить Дуврскую гавань сорока судам, там стоявшим. Эти 40 судов отплыли в Нидерланды, в 1572 году взяли город Шрп³, первый пункт, где они могли утвердиться, и отсюда начали свои дальнейшие действия. Должно быть, Альба сам понял, наконец, свое положение; он был честолюбив и горд в высшей степени, а между тем видел, что ему здесь придется вести войну с мятежами, с общей ненавистью провинций и что ему здесь не предстояло никакого славного и блестящего дела.